

Анджей де Лазари

Польская и русская душа

Но русская и польская душа все еще
противостоят друг другу, как страшно чуждые,
бесконечно разные, друг другу непонятные.

Николай Бердяев

Исследовательская группа Польского института международных дел работает над проектом, озаглавленным *Взаимные предубеждения между поляками и русскими*. В этой работе принимают участие польские и русские социологи, психологи, историки, философы, религиоведы, литературоведы, языковеды и политологи. В 2001 г. группа провела методологическую конференцию в Польше, в городе Лодзь; в прошлом году (благодаря любезности сотрудников Всероссийской Государственной Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино и Отдела культуры и науки Посольства Республики Польша в Российской Федерации) мы встретились со своими русскими коллегами в Москве и провели конференцию о *польской и русской душе* (см. http://www.auditorium.ru/aud/conf/conf_view.php?cid=590). Московская конференция помогла нам осознать, с одной стороны, насколько категория «души народа» является «достопримечательностью» романтизма, с другой – насколько она у романтизма унаследована и «работает» в сегодняшнем сознании поляков и русских. Материалы конференции будут опубликованы; пока со многими докладами можно познакомиться на страницах интернет-конференции *Культура «своя» и «чужая»*, прошедшей на портале Auditorium.ru (http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=sendForm&r=thesisSearch&id_vconf=13).

Подготавливаясь к конференции о *польской и русской душе*, мы задумали издать на польском и русском языках одно-

именную антологию, в которую вошли бы тексты «от Мицкевича и Пушкина до Милоша и Солженицына». По замыслу, тексты антологии должны нам послужить материалом-источником к созданию окончательного результата нашей работы, которым будет *Каталог взаимных польско-русских предубеждений*.

Конечно, вся наша работа направлена на изъятие предубеждений из нашего сознания. А путь к этому ведет через осознание взаимных предубеждений и открытый диалог.

*
*   *
*

Мой русский друг, профессор Ягеллонского университета в Кракове, Василий Шукин, в лексиконе *Идеи в России* так охарактеризовал «русскую душу»:

«Одна из категорий национальной мифологии, не имеющая однозначного соответствия в эмпирической действительности. В массовом сознании это понятие часто совмещается с эпитетом „широкая“ (говорят также о широкой русской натуре). С его помощью пытаются определить типичные для русского человека черты характера, каковыми оказываются: безграничная удаля, задушевность, бескомпромиссность, нравственный максимализм (пресловутое „все или ничего“), общительность, гостеприимство, спонтанность психических реакций, примат сердца над рассудком, склонность к тоске и меланхолии, а также презрение к мелочам, к прагматизму и расчетливости.

На бытовом уровне русская душа проявляется якобы в безудержном пьянстве и в последующем состоянии, именуемом „море по колени“, а также в привычке „плакаться в жилетку“. Убийственную характеристику такого рода поведения дал В. Белинский: „Иностранец выпьет бутылку шампанского; русский одну выпьет, а другую выльет на пол: из этого некоторые выводят такое следствие, что у людей гниющего Запада мышинные натуры, а у нас чисто медвежьи...“

Понятие национальной души было заимствовано русскими шеллингианцами у немецких романтиков. С тех пор оно периодически появлялось в трудах тех русских мыслителей, которые противопоставляли себя господствовавшей рационалистической традиции. Форму законченного интеллектуального дискурса концепция русской души приобретает у Н.

Бердяева. Согласно его воззрениям, русскую душу сформировала широта географических пространств, которая отсутствует на Западе. Потому русский человек гораздо свободнее западного: он не связан формой, организацией, правом, порядком. Русский народ стихийно верит в величие и могущество русской земли, которой нет конца и края – отсюда слабая способность к ведению интенсивного хозяйства. В русском народе не угас еще первобытный дионисизм, стихийность, и поэтому он склонен к буйству духа. Русские люди колеблются между разбоем и аскетической созерцательностью. С этим связано неумение обустроить свою землю, отсутствие инстинкта гражданственности, склонность к анархии. Не без влияния В. Розанова Бердяев приходит к мнению, что в русском характере сильнее проявляется не мужское начало духа, а женское начало души. Мужского, созидательного начала ждут извне. Поэтому, заключает Бердяев, „Россия все невестится“, а в ее душе пребывает „вечно бабье“.

Переходя от умственных спекуляций к реальной действительности, следует признать, что понятие „русская душа“ представляет из себя такую же абстракцию, как и понятия типа „германский гений“ или „традиционное кавказское гостеприимство“. Русская нация состоит из людей самых различных взглядов и темпераментов, верующих и неверующих, пьющих и непьющих. Трезвый рационализм столь же характерен для русского человека, как и эмоциональная импульсивность. Поэтому произвольно широкое применение термина „русская душа“ чревато возникновением стереотипных представлений¹.

Я сам не знаю, существует ли русская, польская, немецкая, американская или какая-нибудь другая «народная/национальная душа», как не ведаю и о том, что же такое моя собственная «душа». Однако остается фактом, что в сознании многих людей, в том числе ученых, такие «души» существуют. Мариан Здзеховски издал в 1920 г. небольшое исследование *Русское влияние на польскую душу*² (а также ряд других *Очерков о психологии славянских народов*). Много текстов о «русской душе» написал упомянутый Щукиным Николай Бердяев³. Это

¹ Щукин В. *Русская душа // Идеи в России, Idee w Rosji, Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, t. 2, Łódź 1999.

² Этот текст мы помещаем в нашей антологии.

³ См. новейшее польское исследование о Бердяеве: P. Przesmycki, *W stronę bogocześnictwa. Teologicznomoralne studium myśli Nikolaja Bierdijajewa*, Łódź 2002.

авторитеты, и в своих исследованиях национальных «душ» они не были и не остаются одиночками!⁴

Сегодня Казимеж Браун⁵ пишет: «А все-таки существует нечто такое, как польская душа, и нечто такое, как квинтэссенция польскости... Каждый из нас инстинктивно чувствует, что такое польское. И вместе с тем мы знаем, что это определение польскости может отличаться в зависимости от точки зрения, позиции и личности наблюдателя, оно, таким образом, будет спорным, дискуссионным, непостоянным, социально и политически обусловленным. Существуют, однако, общепризнанные пространства польскости. Эта польскость является тканью музыки Шопена. Она обнаруживается поэтическими средствами в стихотворении Норвида о музыке Шопена; я имею в виду, конечно, *Рояль Шопена*. Эта польскость составляет ткань *Пана Тадеуша*, такого, каким написал его Мицкевич и каким его экранизировал Вайда...»⁶

Александр Квасьневски «дополняет» Брауна: «Польская душа всегда оставалась независимой, пусть даже над Отечеством висели темные и трагические тучи»⁷. А епископ Ян Храпек утверждает, что «польская душа больна. Первым условием выздоровления должно быть честное сведение счетов с прошлым. А это может совершиться только в атмосфере такого посыла, который заключен в девизе: „Бог – это любовь“, а также в духе благодеяний»⁸. Для ксендза Ежи Левандовского «душой» народа является церковь⁹, следовательно (в сопоставлении с высказыванием епископа Храпека), можно было бы предположить, что именно польский

---

⁴ Из новейших работ о «национальных душах», опубликованных в Польше, см., в частности: I. Nitobe, *Bushido – dusza Japonii. Wykład o sposobie myślenia Japończyków*, Bydgoszcz 2001; T. Špidlík, *Dusza rosyjska*, Poznań 2002; ks. Cz. Bartnik, *Idea Polskości*, Radom 2001 (очередное издание, фрагменты этой книги мы помещаем в нашей антологии); а также: *Pytania o duszę Europy*, Warszawa 2002.

⁵ Казимеж Браун (род. 1936) – театральный режиссер, писатель и педагог. С 1985 г. живет и работает в США.

⁶ Kazimierz Braun, *Susan Sontag o Helenie Modrzejewskiej*, <http://www.arkusz.com.pl/lipiec2000/01-02-01.htm>

⁷ Из выступления Александра Квасьневского на торжествах по случаю 60-ой годовщины создания польской армии на Западе 7 ноября 1999 г. в Президентском дворце: http://www.bbn.gov.pl/pl/kronika/1999/prez_1199.html

⁸ Rozmowa z bp. Janem Chrapkiem, <http://www.wpraga.ak.org.pl/biuletyn/2/node7.html>

⁹ Ks. Jerzy Lewandowski, *Wskazania Prymasa Tysiąclecia dla Narodu polskiego*, <http://kkt.uwb.edu.pl/inf/prymas2.htm>

Костел болен. Анджею Закшевскому¹⁰ осталась уж только надежда: «Польская душа еще подает голос. Хотя все чаще на ломанном английском»¹¹.

Пивоваренный завод «Окоцим» в августе 2000 г. подвел итоги конкурса «Отдых с польской душой». Лауреаты так описывали, чем она является для них: «Пена словно гордость, крепость его – отвага, во вкусе радушие соперничает с воображением, во все это вложено волнующее сердце – это пиво «Окоцим», вот настоящая *польская душа*» (Эва Бекер из города Подзь); «Возьми две мерки бодрости, добавь одну красноречия, а также – в небольшом количестве – склонность к преувеличениям. Приправь умеренной порцией любви к своей стране, для вкуса чуточку и ада, и рая. Добавь еще волнение, способное сдвигать горы, а то, что ты получишь, и будет польской душой!» (Лидия Бетко из города Ченстохова); «Польская душа – это как пиво «Окоцим»! Как золото благородна, кристально чиста, она соединяет в себе сладость любви, горький вкус гордости и много пенистой фантазии» (Марек Барнась из местности Чарна)¹².

Я специально подбираю серьезные и несерьезные высказывания. Во всяком случае – «польская душа» обжилась не только в закоулках общественного сознания.

Не иначе обстоит дело и в России. Только если в польском Интернете «польская душа» появляется в нескольких десятках документов, то в русском – в тысячах!¹³ Интересно, что даже «польской души» в русском Интернете в несколько раз больше. Во многих русских умах «национальная душа» все еще остается, вопреки Шукину, чем-то очень реальным. На эту тему организуются серьезные философские, политологические и религиоведческие научные конференции, печатаются статьи, монографии.

Конечно, не только русские серьезно относятся к «народной/национальной душе». Выдающийся чешский теолог, иезуит Томаш Шпидлик опубликовал в 2000 г. на чешском и немецком языках книжку «Русская душа», которую издатель-

---

¹⁰ Анджей Закшевски (1941–2000) – министр культуры в правительстве Е. Бузека.

¹¹ Andrzej Zakrzewski, *Resort ducha*, „Polityka” 1999, nr 48.

¹² <http://www.okocim.pl/forum2/nagrody.htm>

¹³ На англоязычных страницах Интернета *Russian Soul* также появляется более чем в сто раз чаще, чем *Polish Soul*.

ство „W drodze” решило сделать доступной также польскому читателю¹⁴. Автор заявляет в ней, что каждый народ «получает от Бога призвание». Цель же книжки он определил следующим образом: «Пусть эти пояснения помогут осознать действительные взгляды русского народа в то время, когда мы печемся об объединенной Европе и объединенном мире». Замечательное побуждение, однако я сомневаюсь в том, что прокомментированные Шпидликом возвышенные афоризмы о Боге, Христе, Святом Духе и т. п., принадлежащие Павлу Флоренскому, Петру Чаадаеву, Владимиру Соловьеву и другим религиозным мыслителям, каким-либо образом отражают состояние умов современных русских. Значительно большее доверие в этом отношении вызывает у меня писатель Виктор Ерофеев и его постмодернистская *Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией* (2000), фрагменты которой я поместил в нашей антологии; полностью же книгу издаст на польском языке издательство „Czytelnik” в середине года. Для Шпидлика, как и для ксендза Левандовского, «душой народа/нации» является церковь, а нам самим важно осознать, что русские храмы, хотя их все еще мало, не переполнены верующими.

*
*   *
*

Для редактора предлагаемой антологии «душа народа/нации» – в том числе «польская душа» и «русская душа» – является, конечно, как и для Василия Шукина, только мифом, символом, категорией мышления, с помощью которой в истории, а иногда и сегодня, пытаются истолковать и обобщить те явления в данном обществе, которые свидетельствуют о его «особенности». Я не предлагаю, таким образом, ломать голову над тем, существует ли «душа» или «дух» народа/нации, существует ли «ментальность», национальный «характер» и т. п., я лишь предлагаю проследить высказывания тех мыслителей, которые эту национальную «особенность» – польскую и русскую – замечали или замечают. Сам я исхожу из того, что любой коллектив – в том числе «народ/нация» – вторичен по отношению к личности. Это «Я» «запрограммировано» генами, а позднее также и культурой: семьи, школы, «двора»,

---

¹⁴ T. Špidlík, *Dusza rosyjska*, przełożyła Eliza Pieciul, Poznań 2002.

среды, в которой Я вырастает, эпохи, в которой живет, книг, которые читает (или же не читает), телевизионных программ, которые смотрит (или же не смотрит) и т. п. И только эти «Я» создают коллектив, называемый семьей, нацией, классом, общиной, церковью. В одном случае они «договариваются», что их объединяет кровь, в другом, что цвет кожи, язык, религия, территория, которую они заселяют, или законы, которые устанавливают.

Известно, что современное понятие народа Европе дала Французская революция: «Разрушая иерархические феодальные связи, разделяя общество в формально-правовом отношении на собрание свободных и равных граждан, буржуазная идеология заменила прежние связи идеальной общностью. Она внедрила в сознание масс понятие народа как такой совокупности граждан, которая через своих представителей вырабатывает для себя основной закон (конституцию), осуществляет суверенную власть, принадлежавшую до этого времени монарху. Лозунг «Да здравствует народ!» становится показателем революции в отличие от лозунга «Да здравствует король!», являющегося выражением контрреволюции¹⁵. Народ был здесь еще понятием исключительно политико-правовым, синонимом общества или государства, и не содержал в себе элементов культурного историзма. «Народ, – пишут французские энциклопедисты, – это значительное количество людей, проживающих на определенной территории страны, замкнутых определенными границами и подвластных одному правительству»¹⁶ (несомненно, эту дефиницию сегодня можно было бы применить к «значительному числу людей», определяемому в современной Российской Федерации как *российский народ*).

Понимание народа-нации как общности культурно-исторической, а не только политической чуть позже принес романтизм. Именно Иоганн Г. Гердер в *Идеях к философии истории* (1784-1791) впервые обратился к нации как к самостоятельному «организму»; просветительское единообразие законов, управляющих жизнью и прогрессом, он заменил разнооб-

¹⁵ J. Brun-Bronowicz, *Z dziejów współczesnej idei narodowej*, Łódź 1946; цит. по: А. Zieliński, *Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831*, Wrocław 1969, s. 18.

¹⁶ См. А. Zieliński, *Naród i narodowość w polskiej literaturze i publicystyce lat 1815–1831*, Wrocław 1969, s. 19; ср. также: А. Walicki, *Idea narodu w polskiej myśli oświeceniowej*, Warszawa 2000.

разием жизненных проявлений и, не отказываясь от категории человечества, узаконил как его составную часть категорию народа/нации и ее «духа»¹⁷. Когда затем Иоганн Г. Фихте в *Речах к немецкому народу* (1808) истолковал национальную общность как основную движущую силу исторического развития и одновременно создал концепцию «избранного народа/нации», который на данном историческом этапе лучше всего реализует универсальные ценности, был открыт путь к категории «народности/национальности» (национального характера, «личности» народа-нации), а также *духа/души* народа-нации, и после этого – к столкновениям по поводу того, какой из народов лучше всего выражает смысл истории.

Имея в виду все это, я открываю антологию текстами Александра Пушкина и Адама Мицкевича. Поиски «русской души» в летописи Нестора или у Нила Сорского я оставляю Томашу Шпидлику и другим мифотворцам, ибо до романтизма такой категории не было ни в польском, ни в русском мышлении. Если польское национальное сознание формировали разделы Польши, то развитию русского сознания способствовала война с Наполеоном. Дойдя до Парижа, русские могли заметить свою «особенность», могли сопоставить, как никогда прежде, собственную культуру с культурами Западной Европы. Категория народа-нации решительно вошла тогда в русские общественно-философские дискуссии, которые разделились на два основных течения. Первое из них, поначалу преобладающее, можно было бы назвать гражданским, политико-правовым (решающее влияние здесь оказала французская просветительская мысль), а его кульминацией, несомненно, было восстание декабристов. Понятие народа как «совокупности всех людей, которые, принадлежа к одному государству, составляют гражданское общество» (Павел Пестель, *Русская Правда*)¹⁸, не отличалось от концепции энциклопедистов и было совершенно лишено историзма. Другое течение начали формировать русские романтики под преобладающим влиянием немецкой классической философии. Народ/нацию понимали здесь уже исторически, хотя все еще отождествляли ее с государством.

---

¹⁷ См. J. Szacki, *Historia myśli socjologicznej*, t. 1, Warszawa 1981, s. 142–146.

¹⁸ См. A. Walicki, *Osobowość a historia. Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej*, Warszawa 1959, s. 32.

Термин *народность* (национальность – индивидуальность нации) первым употребил Петр Вяземский в письме из Варшавы 22 ноября 1819 г. к Александру Тургеневу. В Польше в то время понятие *народности* (*narodowość*) было уже широко распространено, хотя его и не понимали однозначно. Вяземский отдавал себе отчет в многозначности этого понятия также на русской почве. В 1824 г. он писал, что слово *народный* соответствует французским *populaire* и *national* и что на русском языке говорится *народные песни*, что соответствует французскому *chanson populaire*, но также *народный дух*, что, в свою очередь, соответствует французскому *esprit national*. Пушкин дополнил эту мысль (1826): «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность»¹⁹, и затем сам объяснил: «Климат, образ управления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»²⁰.

С тех пор категории *народа* и *народности* стали основой русского мышления, а впоследствии и советского. В 1833 г. министр просвещения Сергей Уваров признал *народность* одной из определяющих черт русского мировоззрения и вписал ее в «триединую» формулу: «православие, самодержавие, народность». Как мировоззренческая категория она оказалась также в «триединой» формуле соцреализма: «идейность, партийность, народность». И не правы те поляки, которые последний член этой формулы переводят как *ludowość* (простонародность). Ни Уваров, ни его сталинский «наследник» Андрей Жданов не имели в виду русский *простой народ*, а однородное «национальное» государство (*советский народ* был «новой нацией»), которое они хотели отождествить со всеми подданными царя, а позже партии. Трудно не согласиться с Мечиславом Шерером в том, что «власть держащие, верно оценивая значимость сплоченности, которую придает государству национальное единство, и опасность распада, угрожающую многонациональному государству, которое тянет в разные сторо-

¹⁹ Пушкин А. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М., 1964. – Т. 7. – С. 38.

²⁰ Там же. – С. 39–40.

ны, использовали любые средства из всей гаммы коварства и жестокости, чтобы духовно нивелировать своих подданных. Методы этой денационализации хорошо нам известны. Обитатели государства должны были во что бы то ни стало принадлежать к одной национальности; если они не принадлежали к ней органически, то их вталкивали туда автоматически (а значит – безрезультатно): *cuius regio, illius natio...*²¹

Прав также современный российский историк²², утверждающий, что появление уваровской формулы связано с польским восстанием 1830 г. и с донесениями царских чиновников о влиянии католической церкви и польской культуры на национальное сознание жителей «Западного края». Открывая в 1837 г. в Киеве университет св. Владимира (созданный вместо распущенного польского Вильненского университета), Уваров отметил, что задачей этого учебного заведения является «распространение русского образования и русской народности в полонизированном крае Западной России». Формула Уварова должна была способствовать полной русификации всех жителей империи и была своеобразной, «гражданской», модификацией известного воинского девиза *За Бога, Царя и Отечество!*

*
*   *

Представляется, что после вышесказанных разъяснений становится понятным, почему антологию начинают тексты Пушкина и Мицкевича. Критерий выбора последующих текстов – столь же ясен. Я искал прежде всего такие тексты, в которых оказалась бы категория «души народа/нации», а также соседствовали бы друг с другом: 1) осознание «особенности» или особой миссии в отношении к другим культурам и 2) взаимные претензии поляков и русских. Не всегда удавалось соответствовать этому исходному принципу. В некоторых текстах решительно преобладает сознание «особенности» (Мицкевич, Чаадаев, Федотов, Барановски, Солоневич, Солженицын), в других на первый план выдвигаются взаимные претензии (Трентовски, Страхов, Лютославски), наконец, некото-

---

²¹ M. Szerer, *Idea narodowa w socjologii i polityce*, Kraków 1922, s. 77–78.

²² См. Казаков Н. *Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст*, Москва, 1989. – С. 5–41; A. de Lazari, *Czy Moskwa będzie Trzecim Rzymem?*, Katowice 1995, s. 23.

рые тексты необычайно примиряющие, ищущие компромисс для обоих народов-культур (Соловьев, Эрн, Иванов)²³.

Итак, осталось объяснить, почему в подзаголовке тома я поместил слова «до Чеслава Милоша и Александра Солженицына». Ответ прост – оба они (как в свое время Мицкевич и Пушкин) начали в определенный период истории наших культур играть роль исключительных учителей-«пророков». Оба они находились тогда в эмиграции, оба стали лауреатами Нобелевской премии (Солженицын в 1970 г., Милош в 1980 г.), оба своим творчеством оказали необычайное влияние на формирование сознания польской и русской интеллигенции и по-своему закрыли «романтический» период в наших культурах. Тот факт, что в последние годы это сознание меняется, часто расходясь с «духом» их посылки, был мною отмечен в несколько провокационном (благодаря Виктору Ерофееву) *Приложении-диагнозе-послесловии*, в котором я поместил три «польских» стихотворения Натальи Горбаневской, фрагменты *Энциклопедии русской души. Романа с энциклопедией* вместе со статьей *Будь я поляком...* Виктора Ерофеева, а также научный доклад польского священника, проф. Яцека Салия, *Плохие и хорошие стороны польского мессианизма*.

Приложением в этом «Приложении-диагнозе-послесловии» являются написанные в декабре 1982 г. слова Натальи Горбаневской, в полной мере вписывающиеся в «дух» польского романтизма:

Крик мой, хрип мой жалок и тих:
 «Сестры и братья!»
 Видно, Господь чересчур возлюбил
 эту равнину.
 Видно, у Господа Бога для них
 – то же, что Сыну, –
 нету иных проявлений любви,
 кроме распятия.

Диагноз, в свою очередь, поставил Виктор Ерофеев:

„Чтобы вывести Россию на нормальную цивилизованную дорогу, необходимо всем русским до последнего человека выйти из народа. Нынешнее поколение молодежи начало широкомасштабный выход из народа, по крайней мере, по пояс”.

²³ Об интеллектуальных польско-русских спорах в XIX в. см. новейшее исследование: Andrzej Walicki, *Rosja, Katolicyzm i sprawa polska*, Warszawa 2002.

А послесловием являются слова Яцека Салия:

„Самый серьезный, полагаю, упрек против самой постановки вопроса об особой задаче, которая стоит или может стоять перед моим народом в сообществе народов, – обеспокоенность тем, что такая заинтересованность может вести к национализму, а уже существующий национализм – укреплять. Но к национализму ведет не сам факт, что народы существуют, а знаменательное искажение, которое произошло в понимании идеи народа в Новое время. Искажение, вероятно, произошло оттого, что аверроистическая идея души всего человечества – идея, вытекающая из сомнения в индивидуальном бессмертии, – в новой истории Европы вылилась в иррациональное убеждение в существовании души народа/нации. И лишь на этом пути появился национализм, сочетающий презрение к индивидуальным правам человека с презрением к справедливости в международных отношениях”.

*
*   *

Эта антология (выходит также ее польская версия) не могла бы появиться без помощи моих коллег и друзей, переводивших тексты и дополнявших примечания, с которыми я реализую в Польском институте международных дел наш проект, финансируемый Комитетом по научным исследованиям. Особую благодарность я выражаю проф. Владимиру Кутявину из Самары, доценту Михаилу Гульчину из Херсонского университета, Наталье Горбаневской из Парижа а также Дмитрию Столярову, благодаря которому эту «книгу» можно уже читать на страницах библиотеки «Открытого общества» на портале Auditorium.ru (<http://www.auditorium.ru/books/1323/>).

Наша очередная задача – составление «каталога» взаимных предубеждений поляков и русских. Ведь осознание ведет к пониманию друг друга.